

Клейн и мы

[Александр Козинцев](#)

Опубликовано в сборнике: *Ex ungue leonem*. Сборник статей к 90-летию Льва Самойловича Клейна. СПб: Нестор-история, 2017. С.9-12

Тем, кто любит и ищет истину, не может быть не тесно в любых марширующих рядах, куда бы они ни маршировали.

Борис Пастернак

...и призрачность заслуг в глазах ничтожеств.

Шекспир

Это вторая моя статья, посвященная Льву Самойловичу, первая вышла в предыдущем юбилейном сборнике «Археолог: детектив и мыслитель». Мне доводилось писать и о других моих учителях – И.И. Гохмане (не раз), А.Д. Столяре, Я.А. Шере. Каждому из них я многим обязан и ни с одним из них мне не хотелось спорить – менее всего по юбилейному поводу. О разногласиях в подобных статьях если и упоминаешь, то вскользь, сосредотачиваясь на чертах личности. И не потому что жанр чествования в принципе исключает спор, а потому что общаться с ними можно было, не то чтобы обходя острые углы, но уж точно не стремясь их отыскать. Так жить комфортнее, но от Клейна, которому я обязан не меньше, я научился другому – не смягчать противоречия, когда дело касается самого для нас дорогого. *Amicus Plato*, но «не для ласковых слов я выковывал дух».

Так мы общаемся вот уже более полувека. Я не только превратил в полемику с ним предыдущую юбилейную заметку, но ухитрился даже статью о Шере использовать в качестве очередного повода для спора с Клейном. Лев Самойлович не остается в долгу. Не успел я совсем недавно опубликовать предварительный вариант своей гипотезы происхождения индоевропейцев, как мой учитель немедленно и публично (в Интернете) разнес ее в пух и прах, после чего, как ни в чем не бывало, спросил моего совета – где, по моему мнению, этот разнос можно было бы напечатать? Лишь в его устах такой вопрос не кажется издевкой.

Он не церемонился ни со студентами, ни с академиками. Когда я добрался до середины своей первой курсовой работы – про скифские золотые нашивные бляшки – мой руководитель захотел посмотреть черновики. Меня эта просьба ужаснула, но выхода не было. Поглядев мои наброски, Лев Самойлович сказал: «Представь себе, что ты повар, а я посетитель ресторана и вот зашел к тебе на кухню, а там грязь и беспорядок. Захочется ли мне есть кушанье, которое ты приготовил?». Вторую курсовую он предложил мне написать про марани – грузинский вариант древних керносов (восточномедиземноморских сосудов с добавочными сосудиками сверху). Ему хотелось, чтобы я обнаружил между ними генетическую связь, но я и тут его разочаровал. Официальный отзыв на защите был таким: «Я бы не сказал, что перед нами ленивый исследователь, но я вижу тут ленивую, вернее, несмелую мысль». После такого в самый раз повеситься, но сделай я это, я бы не написал дипломную работу и не заслужил его похвалу на защите.

Физики делятся на теоретиков и экспериментаторов. Археологам в таком праве отказано. Каждый археолог-практик мнит себя теоретиком по совместительству и именуется истинных теоретиков «кабинетными учеными». Такое слышишь и от иных учеников Клейна, причем талантливых. А ведь возразить на это просто. Археология – не физика? Так ведь и этнология не физика, а что сказал Фрэзер, когда его спросили, доводилось ли ему жить среди тех дикарей, о которых он столько написал? “*God forbid!*”, – ответил тот. Титул “*armchair anthropologist*” был им вполне заслужен, но его «Золотая ветвь» не поблекла и в наши дни. Можно подумать, что практик Малиновский, живший среди «дикарей» (которых он именовал «ниггерами»), причем не столько ради науки, сколько для целей британской колониальной политики, навсегда заменил теоретическую антропологию практической! Другим кабинетным теоретиком был Дюркгейм, а Кант так и не выезжал из Кёнигсберга. Да и кому придет в голову требовать от каждого теоретика практической деятельности? Невысоко же археологи-практики ставят свою науку, если отказывают коллегам в праве заниматься чистой теорией!

В сутках 24 часа, в году 365 дней, а если повезет – 366. Так для всех. Но археологи-практики тратят огромную часть этого времени на раскопки, разведки, написание отчетов, обработку материалов, а достигшие высот – еще и на административную деятельность. Чем же, по их мнению, занимаются кабинетные теоретики, свободные от таких занятий? Ведь легко сообразить – надо быть либо форменным недоумком, либо отпетым лентяем, чтобы не суметь потратить такую уйму времени на что-то

полезное. У Клейна мощный интеллект, и на работу он до недавнего времени тратил почти всё время, которое оставалось от сна и еды. Каков же результат? Реакцией большинства практиков до недавнего времени было отторжение, в лучшем случае доброжелательно-юмористическое. Ростовский археолог Е.В. Вдовченков в шутку выразил это так: «Слава богу, есть Л.С. Клейн – вот пусть он и теоретизирует!».

В худшем же случае не было и доброжелательности. Гамлет сетовал на «призрачность заслуг в глазах ничтожеств». Клейну было хуже – многие из тех, кто презирал его теории, отнюдь не ничтожества, а люди, увенчанные лаврами и добившиеся высших постов в академической иерархии. «Мне кажется, Лев Самойлович сам во всё это не верит», – бросил один из них на его кандидатской защите. А другой начертал на полях книги одного из тех, для кого клейновские теории – не пустой звук: «Вот откуда это логическое суемудрие: это же Лёва Клейн!!!». Так вот чем, оказывается, занимаются теоретики, по мнению иных практиков. Смотрящие в корень нашли более ядовитый синоним – талмудизм. Что на это сказать? Диалектичность действительно свойственна еврейской учености, но ни Сократ, ни Гегель вроде бы не были евреями.

Суетное – пустое умствование. Выходит, избыток времени тратится попусту. Зачем мудрствовать, усложнять, создавать теории, в которых предстоит еще разбираться и разбираться, если для практических целей и так всё ясно? Да, но обратная сторона этой мнимой ясности – дефицит логики, примитивизм, косноязычие, многословие, хвастовство, игнорирование зарубежного опыта, слабая конкурентоспособность, словом, весь букет с могилы той поры, когда мы были оторваны от мировой науки. Оторванности больше нет, теперь можно пригласить в совместный проект иностранцев. Они с радостью изучат наши материалы, включат нас в число соавторов, поднимут за нас много тостов – а напишут все равно по-своему. И хорошо еще, если пришлют черновик статьи на согласование! Да ведь он по-английски, его так сразу не прочтешь, а с языками и с Интернетом мы не в ладах... Уму непостижимо, как можно не знать английского и не пользоваться Интернетом, если наш вклад в мировую науку – горсточка песка на морском берегу? Можно пригласить в проект представителей смежных наук, но и это не поможет восполнить отсутствие европейской образованности, широты кругозора, стройности мышления. Короче говоря, всего того, чему еще в студенческие годы можно было бы научиться у людей вроде Клейна. А впрочем, никакого «вроде» здесь быть не может. Клейн вне конкуренции. И до чего же повезло его ученикам!

Есть три стадии ученичества. На первой стадии ученик сознательно и неумело копирует внешние черты стиля учителя. На второй он осваивает суть его научного метода. А на третьей стадии, которая длится всю оставшуюся жизнь, он бессознательно, спустя многие десятилетия, воспроизводит всё это, будучи уверен, что теперь-то он сам зрелый исследователь, а посему и метод, и стиль – его собственные. Особенно интересно обнаруживать скрытые заимствования, когда пути учителя и ученика разошлись, кажется, необратимо и развилка давным-давно скрылась из виду. «Мы приходим к неожиданному, но непреложному выводу: у юмора нет никакой семантики» (это из моей книги 2007 г. о смехе); сравните: «Отсюда... вытекает неожиданный, но непреложный вывод: катакомбная культура не существует» – это из статьи Клейна 1970 г. Обратите внимание на общий ход мысли: нечто, казавшееся незыблемым, вдруг, неожиданно для нас самих, рушится под натиском диалектики. Не в подобных ли неожиданностях заключена главная радость научной работы? Кстати, и в трудах Льва Самойловича можно, по его словам, заметить отголоски научного стиля его учителя М.И. Артамонова.

Любая навязываемая сверху доктрина вызывает критическую реакцию Клейна – и соответствующие неприятности для него. Маршировать в ногу с более дисциплинированными коллегами он никогда не мог. Так было с марризмом, антинорманизмом, ортодоксальным марксизмом. Но вот наступило время перемен, Клейн деятельно включается в создание Европейского университета – уж там-то никто никому ничего навязывать не будет! Поначалу надежды сбываются, новое начальство его превозносит – а потом начинается та же маршировка, только в противоположном направлении. Клейну становится тесно и в этих рядах.

«В развертывающейся дискуссии я вижу спор с мощным натиском постмодернизма. Натиск этот сказывается в деконструкции основных, фундаментальных понятий ряда наук. В этнографии это дискредитация понятия «этнос» (реквием по этносу), в археологии – радостное избавление от трудного понятия «археологическая культура», а заодно и понятий «первобытное общество», «бронзовый век» и т. п., в физической антропологии – трусливое прятанье от понятия «расы» (дабы избежать расизма)». Это написано им в Интернете, а вот что было сказано с трибуны Европейского университета: «Вы, Николай Евгеньевич (это декану постмодернистского Смольного колледжа Копосову – А.К.), начитавшись модных французских дурачков-конструктивистов, типа Мишеля Фуко (общий хохот в зале), склонны думать, что исторической реальности нет, что это наивное представление 19 века, что все в истории – наши конструкции... Нет, Николай Евгеньевич, история – наука. Есть твердые исторические факты, ... и есть фальсификации. ... И это никогда, понимаете, никогда ни при каких условиях, не может быть опровергнуто. Никого научного спора тут не может быть».

Обратим внимание на ремарку в стенограмме. На съездах советского времени смех значил коллективное одобрение, самих ораторов не высмеивали (выступления Сахарова и Афанасьева на съезде народных депутатов в 1989 г. прерывались не смехом, а гневными возгласами). А тут можно понять двояко: в душе-то мы с тобой согласны, но надо ведь привыкать к новому стилю маршировки, а ты, по обыкновению, ходить в строю отказываешься – так почему бы над тобой не посмеяться, как академики некогда смеялись над твоим суемудрием?

Ту встречу в Европейском университете организовал вместе с Копосовым некий новоиспеченный боец идеологического

фронта, археолог по образованию, поступавший в аспирантуру этого вуза дабы продолжить свои занятия, но переквалифицировавшийся там в «политолога» и «борца за гражданские права» (о, эти новые эвфемизмы!). Когда я посетовал на это Клейну, тот написал, что потеря невелика: «Всегда был на верхнем уровне заурядности. Таким и остается». А про новоявленного историка российской антропологии он выразился еще сильнее: «заносчивая дура, напичканная постмодернистскими идеями». Их сочинения подобны политическим доносам былых времен. Их любимое занятие – деконструировать ученых и науку (другая дамочка из той же компании сравнила науку с чемоданом, в котором пытаются контрабандой провезти вредный политический багаж). Кто бы подумал, что у академиков Митина и Презента найдутся сторонники в наши дни! Вот только деконструировать их самих не могли – тут же пожалуются, что на них написали политический донос.

Ну, а что же произошло с Клейном? Формально он больше не числится ни при каком учреждении – ни учебном, ни научном. Ломоносов уже описал такую ситуацию. Пользуясь его словами, не Клейна отставили от обоих университетов, а их – от него. А он, как и прежде, в центре огромного сообщества людей, верящих в науку и не верящих в то, что она – всего лишь оболочка для политики. Его изолированность не увеличилась, она исчезла. «Понимаешь, я не чувствую себя одним, – написал он мне на днях, – наоборот, в последнее время лед сломлен. И на родине меня принимают гораздо более всерьез, чем раньше, и за рубежом внимания больше, тут и книга Лича – симптом (имеется в виду книга: S.D. Leach. A Russian Perspective on Theoretical Archaeology : The Life and Work of Leo S. Klejn. Walnut Creek: Left Coast Press, 2015 – А.К.). И создание кафедры теоретической археологии в Лондонском университете. Не случайно предисловие к книге Лича написал Стив Шеннан, ее зав».

Что ж, всё это замечательно. Дай Бог Льву Самойловичу здоровья и сил!